

Отъ редакціи.

«Слова Мои суть духъ и жизнь» (Іоан. VI, 63). Вотъ слова Св. Евангелія,—которыя желалъ-бы я поставить во главу угла нашего духовнаго журнала, который носить и наименованіе, достойное сему «Духовный Вѣстникъ». Читатели нашего журнала если не исключительно, то преимущественно, пастыри церкви. Къ нимъ относится наставленіе св. Ап. Павла, данное намъ въ лицѣ ученика его, возгрѣвать въ себѣ даръ священства, живущій въ насъ возложеніемъ рукъ первосвященника. Однимъ изъ средствъ къ сему возгрѣванію и долженъ служить духовный журналъ, какъ органъ обмѣна мнѣній, преимущественно въ области пастырскаго служенія. Я весьма благодаренъ, что на мой зовъ откликнулись и изъ епархіи, присылая свои статьи въ редакцію. Первые номера, вышедшіе подъ моею редакціей, съ 36 номера по 48, надѣюсь нѣсколько выяснили то направленіе, какое я желалъ бы дать нашему духовному органу. «Святая Русь»—Русь церковокъ и монастырей, въ которыхъ свѣтится благодатный свѣтъ Христовъ, идеалъ нашей родины матери! Служенію этому идеалу и должны отдать пастыри свои силы! «О милый, кроткій и смиренный, душевно-добрый просто вѣрующей русской народъ!» Не пойметъ и незамѣтитъ

Гордый взоръ иноплеменной,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ красотѣ твоей смиренной...
У иноплеменниковъ иная гордость:
У Грековъ красота, у Римлянъ—силы,
У Германцевъ—знаніе, у насъ поэзія расы вылилась въ святость (см. № 40. Святая Русь). Отецъ Русской науки и поэзіи М. В. Ломоносовъ, вышедши изъ среды крестьянства, изъ нѣдръ далекаго Сѣвера, пишетъ, какъ много пришлось страдать ему на западѣ при столкновеніи того идеала святости, которымъ полна была душа его, жаждущая Бога, воспринятаго имъ въ красотахъ сѣверной природы съ ея звѣзднымъ небомъ и сѣвер-

нымъ сіяніемъ Ризы Божіей, и подъ благодатнымъ покровомъ церковокъ, давшихъ намъ и замѣчательнаго пастыря-молитвенника въ лицѣ о. Іоанна Кронштадскаго, при столкновеніи этого идеала съ идеалами западниковъ.

Въ его «переложеніяхъ псалмовъ» часто слышится именно этотъ мотивъ—*страданія* одинокой души, стремящейся къ святости, но окруженной врагами! 143-й псаломъ въ его переложеніи проникнуть прямо священнымъ негодованіемъ къ врагамъ иноплеменникамъ, къ сынамъ чужого народа. Онъ какъ бы провидѣлъ опасность сближенія съ западомъ, опасность наводненія святой Руси фальшивой и поганой Россіей, подобно потоку наплывшему на нашъ народъ, *хорошій* родной народъ, и загрязнившему нашу древнюю суть! И дѣйствительно, его опасенія оправдались. Знаете, скажемъ еще разъ словами публициста о картинѣ Несторова, есть двѣ Россіи— «святая» и поганая. Святую, неотдѣлимую отъ Бога и природы, создалъ самъ народъ. Поганая-же наша откуда-то со стороны. Въ послѣднее время, этотъ грязный и мутный потокъ, наводнивъ и замутивъ святую суть, особенно сталъ опаснымъ: что случилось съ нашимъ народомъ? Безбожіе, развратъ, пьянство, невѣріе, расколъ и сектантство сдѣлали его неузнаваемымъ! Долгъ пастырей спасти «суть святой Руси». Мы вѣримъ, съ Ѳ. М. Достоевскимъ, что спасеніе Россіи еще разъ выйдетъ изъ церквей и монастырей. И сіе буди, буди!—Пишущій эти строки самъ съ дѣтства жилъ среди бѣднаго крестьянскаго населенія, съ дѣтства привыкъ съ нимъ дѣлать и горе и радость. На средства его онъ получилъ и образованіе. Чуткая душа русскаго крестьянина была для меня раскрытой книгой. Въ этой книгѣ я позналъ всю глубину его религіознаго чувства и сладость нашихъ церковныхъ праздниковъ. Поэтому люблю я до сихъ поръ, если не встрѣчать, то по крайней мѣрѣ нѣсколько дней побыть съ нимъ въ годовые праздники Рождества Христова и Пасхи. Особенно Пасхи! Хожденіе съ святыми иконами по домамъ освѣжаетъ воспоминанія дѣтства. И весенняя природа, съ распускающеюся всюду зеленью, и солнце,

какъ то особенно радостно играющее лучами свѣта и тепла, и праздничный колокольный звонъ, и спокойная свѣтлая на всѣхъ лицахъ радость и, наконецъ, неумолкаемая пѣснопѣнія—вѣдь все это сплошной гимнъ Воскресшему. Въ городѣ такъ живо радость воскресенія не чувствуется. Въ послѣдующихъ пастырскихъ очеркахъ (такъ думаемъ мы озаглавить наши бесѣды о пастырскомъ служеніи), мы намѣтимъ рядъ мѣръ къ возгрѣванію дара священничества, живущаго въ насъ руковозложеніемъ первосвященника. Просимъ о томъ же и нашихъ собратій, особенно старцевъ. Около нихъ какъ то особенно оживаешь душою, освѣжаешься и проникаешься благоговѣніемъ къ тому дару молитвъ, какимъ обладаютъ они. Ниже мы помѣщаемъ очеркъ жизни нашихъ разсадниковъ дух. просвѣщенія-духовныхъ семинарій—«Прежде и теперь». Какъ много жизненной правды въ немъ!

Въ заключеніе же позволю себѣ воздать мою глубочайшую благодарность и сыновнюю признательность моему старцу—воспитателю, съумѣвшему именно своимъ благотворнымъ вліяніемъ въ священно-служеніи, особенно въ чтеніи 12 евангелій, своимъ обращеніемъ съ прихожанами, вложить чувство глубокой любви къ нашей матери—Церкви и кормилицу народу. Ему уже скоро исполнится 50 лѣтъ священно-служенія. Ученикъ преосвященнаго Никанора, бывшаго ректоромъ когда то Саратов. семинаріи, онъ по окончаніи дух. семинаріи, поступилъ священникомъ въ одномъ селѣ прихода, да такъ и остался въ немъ навсегда! Вотъ эта черта особенно прекрасна въ немъ. Цѣлыя поколѣнія прошли предъ нимъ въ крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ!!! Но и любить же народъ его! Не только прихожане, но и окрестныя села. Овдовѣвъ очень рано и оставшись съ сыномъ, да съ нами сиротами, онъ какъ-то замкнулся въ себя, затихъ, оробѣлъ, да такимъ и остался на всю жизнь. Мужички очень любятъ своего «папашу» отца духовника. А какъ стяжалась эта любовь? Онъ просто былъ евангѣльски добръ и кротокъ, никогда никого не притѣснялъ, просящему не отказывалъ и дѣлалъ все это

такъ же естественно, какъ свѣтитъ солнце и благоухаетъ цвѣтокъ! Этотъ пастырь добрый—Протоіерей Дмитрій Тимоѣевичъ Алексѣевскій.

Пр. С. Ильменскій.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

(Что сталося съ духовной школой, и нань съ нею быть? *).

I.

Одинъ государственный мужъ, когда видѣлъ вокругъ себя только искательство и преслѣдованіе личныхъ интересовъ,—говорятъ,—съ горечью восклицалъ: «гдѣ же люди? гдѣ же люди?» Приглядѣвшись къ нынѣшнимъ семинаріямъ и семинаристамъ, приходится тоже воскликнуть: гдѣ же семинаристы? Стерпнѣе ученики свѣтскихъ средне-учебныхъ заведеній всегда не отличались особенною религіозностью, а высшая свѣтская школа совсѣмъ стала языческою. Но гдѣ же семинаристы, которые въ былыя времена отличались своимъ трудолюбіемъ, развитіемъ, религіозностью и,—могу сказать,—нравственною чистотою? Куда дѣвался семинаристъ, про котораго говорили, что онъ есть «существо, поющее басомъ»? Куда дѣвался юноша въ черномъ суконномъ сюртукѣ, по виду неуклюжій, у котораго странно руки торчатъ безполезныя,—немного грубоватый (отъ застычивости), но милый и добродушный? Появившаяся въ семинаріяхъ съ недавнихъ поръ форма точно обезличила семинариста, точно вынула изъ него душу, сливши его съ моремъ безчисленнаго форменнаго чиновничества и студенчества съ его вѣчными протестами. И вотъ, среди мелькающихъ предъ нами черныхъ фигуръ съ бѣлыми, ясными пуговицами, попадаются какъ прежнія милыя, открытыя, цѣломудренныя лица, такъ попадаются и фигуры въ тужуркахъ, съ заложенными назадъ руками, сдвинутыми на затылокъ измятыми фуражками, вызывающимъ видомъ, вообще—фигуры, олицетворяющія собою беспощадный протестъ; попадаются и безцвѣтные франты на

*) «Колоколь»